

И. Кукса

Норма умерла – да здравствует норма!

Лучше ногою запнуться, чем языком
Пословица

Умен ты или глуп,
Велик ты или мал,
Не знаем мы, пока
Ты слова не сказал.
Саади

Состояние русского языка в целом и русского литературного языка как высшей формы существования национального языка в частности в настоящее время является предметом обсуждений и дискуссий филологов, лингвистов, писателей, педагогов, социологов и самой широкой общественности. Речевое неблагополучие ощущается многими, но ясного однозначного ответа на извечные вопросы «кто виноват?» и «что делать?» применительно к современной речевой ситуации пока нет.

Специалисты справедливо полагают, что события конца прошлого века по своему воздействию на общество и язык подобны революции¹. Среди экстралингвистических факторов, оказывающих воздействие на язык и прежде всего на состояние речевой культуры, выделяют, как правило, основные:

- резкое увеличение количества участников массовой коммуникации с разным уровнем речевой культуры;
- ослабление цензуры и автоцензуры;
- расширение сферы спонтанного общения;
- возрастание личностного начала речи и диалогичности общения, причем как устного, так и письменного;
- ослабление прежде жестких рамок публичного и официального общения;
- развитие технических средств коммуникации (факс, интернет и пр.).

В результате формируется свобода и раскрепощенность речевого поведения, возникает необходимость выработки новых языковых средств общения, новых средств выразительности и образности, новых форм и средств речевого этикета, возрастает языковая вариативность, когда вме-

сто ранее незыблемой языковой формы оказываются допустимыми разные варианты, утрачивается «жесткость» и однозначность нормы.

На состояние языка в современную эпоху влияет и процесс глобализации (сближение наций, государств, тесные международные контакты). Именно с этим порой связывают широкий поток заимствований в русском языке и даже борьбу за господствующий язык (отсюда – стремление «защитить язык», «борьба» за его чистоту.) С другой стороны, решающим фактором становится доминанта устной речи, следствие чего – столь же широкий объем в литературном языке лексики и форм, ранее находившихся за его пределами (вульгаризмы, жаргонизмы, просторечия).

Однако не это вызывает особую тревогу. Язык, по мнению специалистов, – сильная система, живой организм, который вполне в состоянии «переварить» и заимствования, и просторечия, что-то приняв, а что-то отторгнув. Система языка уже не раз доказывала свою жизнеспособность в этом смысле – вспомним Петровскую эпоху или постреволюционные десятилетия.

«Побочным эффектом» происходящих и вне и внутри языка изменений становится речевая неряшливость, переходящая в разнузданность, разрастание речевых ошибок, стремление прикрыть банальность мысли «модными» языковыми средствами, и в целом – «загрязнение языковой среды».

На фоне этого на первый план выдвигаются не проблемы «заимствований ради заимствований» или потока вульгарщины. Ключевой вопрос – что такое норма на рубеже веков и тысячелетий, «жива» ли она, каковы ее основные критерии и признаки, кто и как определяет, что правильно (= соответствует норме), а что нет. Ситуация обострилась настолько, что лингвисты задаются вопросом: норма – это идеал или то, что наиболее часто употребляется? Среди существенных признаков нормы, помимо образцовости, эталонности, кодифицированности, стабильности, воспроизводимости, все отчетливее проявляются *уместность*, *целесообразность*, даже *удобность* использования языкового средства.

По мысли Н.С. Валгиной², противоречие заложено в самой природе нормы:

– с одной стороны, она объективна, поскольку представляет собой результат языковой эволюции (норма – это реализованная возможность языка);

– с другой стороны, она субъективна, поскольку в ней заключены общественные вкусовые оценки (норма – закрепленный в лучших образцах литературы способ выражения, наиболее устойчивый и предпочитаемый обществом).

Именно поэтому распространенность и общеупотребительность языкового знака далеко не всегда и, по крайней мере, не сразу одобряется кодификаторами, иными словами, тенденция естественного развития языка и традиция языкового вкуса нередко приходят в противоречие.

Безусловно признавая «демократизацию» и «либерализацию» нормы, ученые единодушно отмечают недостаточность собственно лингвистиче-

ских критериев ее формирования. Один из немногих таких критериев – учет системных отношений в языке, тех, что связаны с предсказуемостью развития системы. Немаловажным оказывается и критерий вкуса, однако при этом очень важно не впасть в крайности «языкового пуризма».

Критериями оценки нормы признаются:

критерий системный (устойчивость);

критерий функциональный (распространенность);

критерий эстетический (авторитетность источника).

Традиционно наиболее авторитетным источником нормы считалась художественная литература. Однако литература эпохи постмодернизма утрачивает свое значение и роль в этом смысле, но свято место пусто не бывает, и при подобном дефиците на состояние речевой культуры все большее влияние оказывают средства массовой информации. Сюда перемещается «в настоящее время центр нормообразования»³, газеты и журналы, радио и телевидение для многих носителей языка сейчас служат едва ли не единственным источником представлений о языковой норме, они в основном формируют «языковой вкус эпохи», с ними иногда справедливо связывают и некоторые «болезни» языка. Демократизация достигает таких масштабов, что уже речь заходит о норме общеязыковой и ситуативной, когда в конкретных ситуациях допускается отклонение от правил (скажем, в профессиональном общении незазорным считается произношение компас, добыча, алкоголь, а по данным одного из последних словарей⁴ – и обеспечение). Более того, порой признается даже существование индивидуальной нормы, при этом проводится аналогия с артериальным давлением – ведь оно индивидуально для каждого.

Именно сменой источников формирования нормы во многом объясняется утрата ею прежней жесткости и однозначности, ее большая проницаемость для бывших внелитературных средств. Стилевая мозаика, вплоть до вкраплений периферийных языковых элементов, в том числе относящихся к суб- и нонстандарту (жаргон, просторечия), типична для СМИ⁵, которые ныне дают впечатляющую картину использования возможностей языка, что нередко вызывает противоречивые суждения и оценки. В этой картине отчетливо обозначены два типа явлений:

– системно-языковые, вполне соответствующие внутреннему потенциалу системы языка и, собственно говоря, его отражающие, – увеличение вариантных форм и словообразовательных типов и моделей;

– объясняемые недостаточной культурой, как общей, так и речевой, когда «вербальная свобода» понимается более чем превратно, вплоть до допустимости использования грубых просторечий, бранных и даже нецензурных слов и выражений.

К сожалению, последнее нередко подается под соусом «борьбы за читательскую аудиторию» и мотивируется тем, что надобно же быть понятным, говорить с читателем на одном языке, тогда как на самом деле это не

более чем заигрывание с потребителем СМИ-продукции, в том числе продиктованное и финансово-коммерческими соображениями.

Один из возможных выходов из этого клубка противоречий был сформулирован на семинаре по культуре речи в Санкт-Петербурге (февраль 2003 года). В упрощенном варианте смысл видится в возможностях применения режимов автокоррекции, обобщения и повторения. Иными словами, если носители языка на основе фоновых знаний, лингвистической интуиции способны «декодировать», расшифровать отклонение от нормы, довести необычное до уровня понятного – значит, это отклонение имеет право на существование. Если у такого режима автокоррекции наступает предел и «снять», расшифровать отклонение невозможно – происходит «срыв связи», коммуникация нарушается – и это уже не норма.

Социолингвистический подход к проблеме обнаруживается в трудах саратовских лингвистов⁶. Норма и правильность становятся одним из компонентов хорошей речи, которая понимается как составляющая речевой культуры народа. Носители языка являются представителями разных культурных уровней – поэтому у каждого «свой» язык, а значит, и «своя» норма. По определенному набору признаков вычленяются разные типы речевой культуры: элитарный, среднелитературный (до конца не освоенный элитарный), разговорный в совокупности двух подтипов – литературно-разговорного и фамильярно-разговорного, нуждающихся в корректировке и ограничении рамками повседневного общения, а также типы, находящиеся за пределами литературного языка: просторечный, народно-речевой и жаргонизирующий.

Проблема допустимости употребления языковых средств и форм решается с точки зрения целесообразности, которая, в свою очередь, определяется с учетом функционально-стилевой и жанровой принадлежности текста.

Очевидно, что критериями хорошей речи оказываются следующие:

- целесообразность, успешность и эффективность как для адресата, так и для адресанта;
- правильность как необходимое, но недостаточное качество;
- соответствие нужной в конкретной ситуации функциональной разновидности литературного языка и форме речи;
- экстралингвистические факторы: знание ситуации общения, его целей, отношений между коммуникантами и пр.

Поскольку большинство образованного населения России, в том числе журналисты, в лучшем случае являет собой среднелитературный тип речевой культуры, возникает еще одно противоречие, своеобразный замкнутый круг: среднелитературность речевой культуры журналистов, речь которых является прецедентной, даже эталонной для носителей языка, способствует все более широкому распространению среднелитературного типа, в известной степени ограничивая возможности пропаганды элитарной речи. Если же учесть, что в числе собеседников журналиста подчас оказы-

ваются представители фамильярного, а иногда и внелитературных типов речевой культуры, становится безусловной важность сознательного отношения к языку, в частности – к выбору конкретных речевых средств. В связи с этим значение нормы как эталона, образца, своеобразного «маяка», помогающего эффективно ориентироваться в таком обширном, разнородном по форме и содержанию языковом арсенале, трудно переоценить.

Задача же формирования навыков отбора языковых средств и сознательного отношения к их употреблению и использованию в речевой практике в настоящее время является актуальнейшей. Ситуацию вряд ли возможно исправить сию минуту, но стремиться ее улучшить, без сомнения, и можно, и нужно. Один из способов, используемый далеко не в полную силу, – грамотно организованная, не раздражающая массового читателя/слушателя трансляция в СМИ элитарной речи и – шире – элитарного типа культуры. Отклонение же от нормы должно быть осознанным, целесообразным и функционально оправданным – тогда и только тогда это становится литературным приемом, приемом «языковой игры», а не речевой ошибкой.

Тем не менее, несмотря на то что язык СМИ производит нередко негативное впечатление из-за ложно понятого тезиса о свободе слова, именно здесь находятся ресурсы для обновления литературного языка.

Итак, среди основных процессов в нормализации языковых явлений в настоящее время обращают на себя внимание сближение норм письменной и устной речи, книжных и разговорных стилей при сохранении их принципиальной дифференциации; рост вариативности языковых средств в пределах нормы; дифференцированность нормы применительно к разным речевым ситуациям и жанрам⁷. Однако при все возрастающем изобилии вариантных средств сама вариативность как конкуренция языковых форм небезгранична.

Резюмируя, отметим, что, хотя обеспокоенность судьбой и состоянием языка имеет основания, не всегда они обнаруживаются в рамках собственно языковой сущности. Язык, как и прежде, «живой как жизнь», демонстрирует необычайное многообразие средств и форм выражения самых разных, в том числе доселе неведомых смыслов, он по-прежнему остается неиссякаемым животворным источником этих средств и форм. Неблагополучие становится явным при использовании этого богатства в речи, поэтому «охранные мероприятия» должны прежде всего касаться речевой практики.

¹ См.: Русский язык конца XX столетия (1985 – 1995). М., 1996; *Костомаров В.Г.* Языковой вкус эпохи. М., 1997.

² *Валгина Н.С.* Активные процессы в современном русском языке. М., 2001. С. 42 и далее.

³ *Валгина Н.С.* Активные процессы в современном русском языке. М., 2001. С. 42.

⁴ Давайте говорить правильно! СПб., 2002.

⁵ *Сидорова М.Ю., Савельев В.С.* Русский язык и культура речи: Курс лекций. М., 2002. С. 80.

⁶ См.: Хорошая речь / Под ред. М.А. Кормилицыной и О.Б. Сиротининой. Саратов, 2001.

⁷ Валгина Н.С. Указ. раб. С. 51.